

В.А. Ильиных

ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРОЦЕССА РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЯ В СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Проблема исторических судеб российского крестьянства в XX в., его эволюции и трансформации является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. В советский период изучение данной проблемы тормозилось господством идеологизированной теории «социалистического» пути разрешения аграрно-крестьянского вопроса. Применительно к Сибири официозная концепция эволюции и трансформации крестьянства в 1920—1950-е гг. наиболее последовательно изложена в ставших своеобразным итогом тридцатилетнего развития советской сибирской аграрной историографии III томах «Истории крестьянства Сибири»¹.

В соответствии с этой концепцией Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец капиталистическому расслоению крестьянства. Диктатура пролетариата создала благоприятные возможности для функционирования крестьянского хозяйства, регулирования его развития в интересах социализма. Доминирующим социальным процессом в деревне стало ее осереднячивание. Однако развитие в 1921—1927 гг. мелкобуржуазных и капиталистических отношений в сфере производства и обмена приводили к выделению на ее противоположных полюсах сельского пролетариата и сельской буржуазии. При этом наличие в сибирской деревне многочисленного и мощного кулачества, которое в ходе аграрной революции было «подрезано» значительно меньше, чем в центре страны, его влияние на крестьянство и агрессивность представляли опасность для существования Советской власти. Усиление сопротивления кулачества регулирующей роли пролетарского государства, а также крайняя ограниченность возможностей мелкого крестьянского хозяйства и полная неспособность его кардинально решать социальные проблемы подвели Коммунистическую партию и Советское государство к необходимости социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Социалистическая реконструкция деревни проводилась путем ликвидации кулачества как класса и сплошной коллективизации. В ходе коллективизации формировался принципиально новый класс социалистического общества – колхозное крестьянство, которое коренным образом отличалось от доколхозного по своему отношению к собственности, средствам производства, по месту в общественной организации труда и способу получения общественного дохода. Колхозники освобождались от многих крестьянских консервативных черт при сохранении традиционных прогрессивных, интенсивно накапливались новых качеств. Формирование колхозного крестьянства как класса завершилось к концу 1930-х гг.

В последующий период на основе укрепления колхозно-кооперативной собственности происходила дальнейшая его консолидация, закреплялись специфические социально-политические черты, развивалась внутриклассовая структура (увеличение численности механизаторов, специалистов). Начиная с середины 1950-х гг., колхозное крестьянство развивалось на фоне общих сдвигов в социальной структуре советского общества – абсолютного и относительного сокращения сельского населения при увеличении численности и удельного веса рабочих совхозов за счет уменьшения числа колхозников.

Завершающий серию «Истории крестьянства Сибири» V-й том изначально предполагалось посвятить периоду «развитого социализма». И если судить по господствующей еще в середине 1980-х гг. концепции, в нем описывался бы рост обобществления производства, дальнейшее сближение колхозно-кооперативной собственности с государственной, колхозного крестьянства с рабочим классом и создание условий для их слияния в коммунистической перспективе. Однако писался V-й том в условиях начавшегося отказа отечественной историографии от официальной постсталинской парадигмы. И авторы его сделали выводы об отчуждении тружеников села от земли и средств производства и их превращении в наемных работников как итогу «многолетней практики раскрестьянивания»².

В дальнейшем тезис о длительности процесса раскрестьянивания конкретными исследованиями подкреплен не был. Сибирские историки, касающиеся данной про-

блемы сосредоточили основное внимание на описании хода и результатов коллективизации и раскулачивания. При этом некоторыми из них делался вывод о том, что ликвидация крестьянства как класса завершилась в 1930-е гг.³ В итоге старая историографическая схема эволюции и трансформации сибирского крестьянства в советский период была отвергнута, а новая на ее месте не создана. Помимо хронологической переориентации исследований причина этого заключалась в неразработанности необходимого понятийного аппарата.

Прежде чем приступить к анализу раскрестьянивания, понимаемого как процесс превращения крестьянства как класса в некую новую социально-классовую общность, нужно определить, что же такое крестьянство. В широком смысле под крестьянами у нас в стране понимаются все жители деревни, непосредственно занятые производством сельскохозяйственной продукции. Естественно, что для анализа процесса раскрестьянивания нужно более конкретное определение. В последнем издании Большой Советской энциклопедии крестьянство в досоциалистических формациях определяется как «совокупность мелких сельскохозяйственных производителей, ведущих индивидуальное хозяйство собственными средствами производства и силами своей семьи», а при социализме – как «совокупность членов сельскохозяйственных кооперативов (преимущественно производственных), совместно владеющих средствами производства и ведущих коллективное хозяйство»⁴. Очевидно, что второе определение является абсолютно некорректным. Со времени проведения массовой коллективизации колхозы перестали быть кооперативами, их члены работали преимущественно на государство, а не на себя и средствами производства не владели. Первое определение также слишком общее. Под него попадают и крепостные крестьяне, и крестьяне-единоличники, и колхозники, и рабочие совхозов, ведущие «мелкое» сельскохозяйственное производство в своих личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) «собственными средствами производства и силами своей семьи». При этом продукция ЛПХ в целом всегда имела не только «подсобное», внутрисемейное значение, но по ряду показателей составляла ощутимую долю в валовом и товарном производстве.

На наш взгляд, более точно определяет крестьянство известный западный исследователь проф. Т. Шанин. Сформулировав общую дефиницию, согласно которой крестьяне это мелкие сельскохозяйственные производители, которые используя простой инвентарь и труд своей семьи, работают прямо или косвенно на удовлетворение собственных нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти, он вычленяет четыре сущностных грани, более развернуто определяющие крестьянство: крестьянское семейное хозяйство (двор) как основная многомерная единица социальной организации; хозяйствование на земле как основной источник существования; специфические культурные образцы, привязанные к образу жизни малой сельской общности; подчиненное положение – господство некрестьян над крестьянами. Т. Шанин, подчеркивая взаимосвязанность и целостность представленных граней, считает возможным выявление их иерархии. Для него главным видовым отличием крестьянства является семейное хозяйство. Для соотнесения крестьян в широком и узком значении он вводит понятие пограничных (маргинальных) групп, к которым в частности относит советских колхозников, а в качестве «правопреемников» крестьян называет семейных фермеров, использующих капиталоинтенсивное оборудование⁵.

Помимо определения крестьянства как класса и его качественных характеристик, необходимо определить критерий завершенности процесса раскрестьянивания. В качестве такового мы рассматриваем невозможность обратной метаморфозы. Даже полностью лишенное средств производства крестьянство не перестает быть таковым, если вновь обретя землю и поля сможет воссоздаться как класс, обладающий набором специфических институциональных характеристик. Пример обратной трансформации дает китайское крестьянство, которое после ликвидации «народных коммун» и наделения землей (в форме аренды) снова вышло на историческую арену.

Далее, для воссоздания целостной картины раскрестьянивания в Сибири в советский период, проведем краткий поэтапный анализ эволюции и трансформации следующих, по нашему мнению, наиболее важных институциональных характеристик,

определяющих крестьянство как класс: крестьянского хозяйства; крестьянской общины, понимаемой не только как институт государственного права, но прежде всего как основанный на обычном праве институт социальной самоорганизации крестьянства («мир»); традиционной крестьянской культуры. При этом выводы, сделанные для Сибири, будут репрезентативны для всей страны, поскольку со времени проведения массовой коллективизации аграрные отношения в регионе потеряли качественную специфику.

В 1920-е гг. качественных трансформаций сущностных черт крестьянства по сравнению с досоветским периодом не произошло. Абсолютное большинство сельских жителей по-прежнему вело индивидуальное хозяйство. Число полностью экспроприированных крестьянских хозяйств в ходе «антикулацких» репрессий, проводимых во время подавления антисоветского вооруженного движения в начале 1920-х гг., продразверстки, продналога 1921/22 г., хлебозаготовок 1927/28 г., 1928/29 г. и конца 1929 г. в относительных величинах было невелико. Более заметное влияние на деревню оказал приходившийся на вторую половину 1929 г. процесс самоликвидации значительной части крестьянских хозяйств, в ходе которого тысячи зажиточных семей, опасаясь репрессий, распродавали или уничтожали свое имущество и бежали из села. Специфическим явлением доколхозного периода стало более интенсивное, чем до революции дробление крестьянских дворохозяйств, которое помимо того, что являлось ответом на «классовую направленность» аграрной политики режима (большие семьи были и более зажиточными), знаменовало собой начало процесса нуклеаризации крестьянской семьи.

После перехода к сплошной коллективизации ситуация в сибирской деревне изменилась качественным образом. В ходе первого ее этапа с конца 1929 по весну 1930 г. было ликвидировано более половины единоличных крестьянских хозяйств региона. 52 тыс. из них подверглось «раскулачиванию», в том числе 10,5 тыс. чел. было репрессировано и около 83 тыс. чел., или 16 тыс. семей, сослано в необжитые районы края. Большая же часть ликвидированных хозяйств (781,8 тыс.), под угрозой насилия или поддавшись пропаганде, вошло в различные типы колхозов (пре-

имущественно коммун). Имущество новоиспеченных колхозников либо почти полностью сдавалось в коммуны и артели, либо ими самими уничтожалось. Существенно сократили размеры своих хозяйств и крестьяне, оставшиеся единоличниками. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве. С тем чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. И крестьяне в массовом порядке из колхозов стали выходить. Процент коллективизации в Сибири к лету 1930 г. снизился в 2,6 раза⁶. Но восстановить прежние размеры своих хозяйств бывшим колхозникам уже не удалось.

Отступление режима имело тактический характер. Отказавшись от одномоментного штурма, власти приступили к планомерной, но относительно скоротечной осаде единоличной деревни. Усиление налогообложения, ограничение землепользования, политическое и административное давление, постоянная угроза экспроприации вынуждали крестьян единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. Продолжалась и практика высылки нелояльных жителей деревни вместе с их семьями на сибирский север. На 1 июня 1930 г. уровень коллективизации в Западной Сибири составлял 21,8%, в Восточной Сибири – 16,3%, на 1 июня 1931 г. – соответственно 46,4 и 43,6, на 1 июля 1935 г. – 82,9 и 78,9%. В 1938 г. в колхозах состояло в различных районах Сибири от 90,8 до 95,9% крестьянских хозяйств, в 1940 г. – от 96,3 до 98,7%⁷.

Таким образом, к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически уничтожено. Его своеобразным рудиментом оставалось ЛПХ. В коммунах начального этапа коллективизации, в которых «обобществлялась» даже домашняя птица, оно часто сводилось лишь к огороду. В сельхозартелях, на устав которых в конечном итоге перешли все колхозы, крестьянам позволялось иметь и строго определенное количество крупного и мелкого рога-

того скота, свиней. Но в связи с тем, что большая часть домашнего скота была либо уничтожена, либо сдана в колхозы, многие колхозные семьи не имели не только коров (доля таковых в 1932 г. составляла около трети от общего количества колхозных дворов⁸), но и вообще никакого скота. После голода 1932/33 г., с тем чтобы не допустить его повторения, власти приняли решение укрепить ЛПХ путем передачи и продажи скота с колхозных ферм в личную собственность колхозников. Несколько увеличилось и размеры приусадебных участков.

Однако рост ЛПХ наталкивался на пределы, установленные в Уставе сельхозартели. Превышение официально нормированного размера личного подворья, по мнению властей, отвлекало крестьян от работы в колхозах. В связи с этим с конца 1930-х гг. в соответствии с указаниями свыше в деревне периодически проводились кампании по принудительному изъятию «лишнего» скота и земли. «Излишнее» внимание колхозников к их личному хозяйству каралось исключением из колхоза с лишением приусадебного участка и даже ссылкой. В 1950-е гг. широкое распространение получила практика «добровольной» экспроприации ЛПХ. С целью выполнения завышенных планов мясопоставок государству или увеличения поголовья «общественного» стада властные структуры заставляли крестьян продавать по ценам существенно ниже рыночных скот с их подворий колхозам. Последний широкомасштабный натиск на ЛПХ был осуществлен в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в связи с принятием партийным руководством страны курса на строительство коммунизма. А личное хозяйство с коммунистическими отношениями, по мнению их теоретиков, никак не соотносилось. С середины 1960-х гг. кампаний по сокращению размеров ЛПХ не проводилось, власти на самом высоком уровне (постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г.) заявили о необходимости устранения «необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»⁹.

Несмотря на то, что ЛПХ по своим размерам несравнимо и с бедняцким хозяйством доколхозной деревни, оно на протяжении периода 1930-х, 1940-х и начала 1950-х гг. являлось основным источником существования абсолютного большин-

ства колхозников, поскольку за исключением нескольких урожайных довоенных лет произведенная в колхозах продукция практически полностью изымалась государством, а выдачи на трудодни в связи с этим были мизерными. На покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом (сельхозналог, займы и т.п.) расходовалась и значительная часть ресурсов ЛПХ. Следствием государственного грабежа колхозов и личных подворий их членов, который в 1940-е – начале 1950-х гг. приобрел наиболее масштабный характер, стали периодические голодовки сельского населения. Причем голодали не только колхозники, но и рабочие совхозов, размеры ЛПХ которых были значительно меньшими.

После 1953 г. отношение властей к крестьянству стало более либеральным. В 1954 г. налоги на ЛПХ были минимизированы. Снизился уровень ограбления сельскохозяйственных предприятий со стороны государства. Постоянно растущая оплата труда в колхозах и совхозах становится основным источником существования жителей деревни. Тем не менее даже в 1980-е гг. за счет ЛПХ формировалось около 30% совокупных доходов сельского населения. В 1988 г. в личном секторе производилось более четверти валовой (в том числе картофеля – 59%, овощей – 31, мяса – 28 и яиц – 26%) и одна десятая товарной продукции сельского хозяйства¹⁰. Однако столь высокие количественные показатели ЛПХ обеспечивались за счет их тесной интеграции с колхозно-совхозным производством. Значительная часть ресурсов для ведения личных хозяйств черпалась их владельцами в сельскохозяйственных предприятиях (обработка приусадебных участков, покупка и хищение кормов и т.п.).

Процесс ликвидации крестьянской общины как важнейшей сущностной институции крестьянства имел в советский период несколько иную динамику. Дореволюционная административная сельская община, хотя и контролировалась властями, оставалась при этом органом самоуправления. Ее избранные на сходе должностные лица в своей деятельности в основном опирались на обычное право. С установлением в Сибири советской власти в сфере управления деревней произошло существенные сдвиги. В начале 1920 г. на селе были образованы ревкомы как органы чрезвычай-

чайного государственного управления. С апреля того же года они стали заменяться сельсоветами. Но в данном случае речь шла не о передаче власти в деревне в руки ее жителей, а о смене вывески. Выборы в Советы были формальными и сводились к голосованию за выдвинутых местной партиячкой кандидатов. Основной функцией сельсоветов являлось выколачивание из селян многочисленных податей и повинностей.

Ситуация изменилась лишь в 1925 г., когда правящая верхушка большевистской партии, отчасти исходя из логики внутрипартийной борьбы, а отчасти опасаясь массового крестьянского восстания, санкционировала проведение относительно демократических выборов в сельсоветы. Последние в связи с этим стали постепенно превращаться в органы реального местного самоуправления, приняв на себя большую часть функций крестьянской общины. Из их ведения формально было исключено решение земельных вопросов, отнесенных к компетенции земельных обществ, которые согласно действующему законодательству являлись независимыми объединениями граждан села, призванными регулировать их совместное землепользование. Однако на практике какого-либо жесткого разграничения между решением как земельных, так и иных вопросов местного самоуправления не существовало. Исполнение постановлений схода граждан по проблемам землепользования возлагалось на сельские Советы, в составе которых функционировали земельные секции, или непосредственно на их председателей. Последние в ряде случаев решали земельные вопросы самостоятельно.

В конце 1920-х гг. режим начал новый тур борьбы с крестьянским самоуправлением. Выборы утратили демократизм, а сельсоветы вновь превратились в инструмент осуществления всевозможных чрезвычайных (прежде всего хлебозаготовительных) кампаний. Тогда же земельные общества в ходе «борьбы за их овладение и превращение в опорные пункты социалистического преобразования деревни» потеряли возможность регулировать земельные отношения. Были значительно затруднены возможности крестьянского мира, опираясь на обычное право, воздействовать на семейные и нравственные отношения односельчан. Им противостояли

сельские партийные и комсомольские организации, активисты, стремившиеся внедрить в практику крестьянского общежития советские моральные нормы.

Ликвидация общины как института самоорганизации крестьянства завершилась в ходе коллективизации. Земельные общества упразднялись. Сельсоветы окончательно теряли функции самоуправления. Крестьяне, в отличие от периодов начала и конца 1920-х гг., когда у бедняцко-батрацкой части деревни сохранялась иллюзия их непосредственного участия в принятии властных решений, полностью отчуждались от власти. Применение норм обычного права в межкрестьянских отношениях стало жестко преследоваться. Тем не менее и после формальной ликвидации общины в среде теперь уже колхозного крестьянства еще долго сохранялись общинные традиции, продолжавшие существовать в рамках колхозов. Эти традиции подкреплялись общим трудом на колхозных полях и фермах и различными формами взаимопомощи, помогавшими сельским жителям выжить в самые трудные из предвоенных, военных и послевоенных лет. Многовековые общинные традиции в сибирской деревне стали более интенсивно размываться в 1950-е гг. Основными факторами данного процесса послужили укрупнение колхозов и превращение большинства из них в совхозы. Осознание своей принадлежности к малой сельской общности и зависимости от нее большинство жителей деревни окончательно потеряли в ходе ликвидации т.н. «неперспективных» сел и переселения их жителей на центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий. Наступление на малые села особенно масштабный характер приобрело в Западной Сибири. С 1959 по 1979 г. численность сельских населенных пунктов в регионе сократилась на 52%, тогда как в целом по РСФСР – на 40%¹¹. Крестьянские общинные традиции после этого продолжали сохраняться на уровне трудноуловимой ментальности лишь в небольшом количестве уцелевших малых сельских поселений.

Параллельно с ликвидацией крестьянской общины и общинных традиций в советский период происходил процесс размывания крестьянской культуры и ее вытеснения городской (урбанистической) и официальной советской субкультурами. В 1920-е гг. образ жизни на селе оставался в целом неизменным. В деревне господ-

ствовала традиционная крестьянская культура. Подвижки в сторону повышения грамотности сельского населения были незначительными, а влияние городской культуры минимальным. В конце 1920-х гг. несколько усилилось проникновение в деревню элементов советской субкультуры. Наиболее восприимчивой к ней была молодежь и сельские функционеры, которые в своем большинстве также являлись молодыми людьми. Впрочем, они нередко воспринимали лишь внешние формы указанного типа субкультуры (жаргон, одежду и т.п.).

В 1930-е гг. наступление на крестьянскую культуру и насаждение в деревне советских культурных новаций становится более тотальным. Особенно сильным гонениям подвергались религиозные крестьянские традиции. Тем не менее в 1930-е, 1940-е и даже в первой половине 1950-х гг. традиционная крестьянская культура не была вытеснена из сознания и поведения большинства сельских жителей, а продолжала существовать «в подполье». Тем более, что образовательный уровень селян, несмотря на кампании по ликвидации безграмотности и осуществление всеобщего начального, а затем и семилетнего обучения детей школьного возраста оставался достаточно низким, а инфраструктура официальной советской культуры на селе (клубы, избы-читальни и т.п.) влачила в целом жалкое существование.

Качественные сдвиги в соотношении типов культур в деревне начались во второй половине 1950-х гг. и усилились в 1960-е гг. Факторы, способствующие данному процессу, были многообразны. В это время в активный возраст вступили первые поколения, воспитанные на советских культурных традициях. Постоянно рос уровень образованности сельского населения. При этом следует учитывать, что система образования на селе в советский период носила ярко выраженный урбанистический характер. Кроме того, советская школа, призванная воспитывать новый социалистический тип личности, более или менее успешно занималась идеологической обработкой учащихся. В указанный период расширилась сеть «очагов» социалистической культуры – сельских домов культуры, клубов, библиотек, улучшилось их материально-финансовое состояние. Была проведена массовая кинофикация и радиофикация сельских населенных пунктов.

В 1970-е гг. вытеснение традиционной крестьянской культуры приобрело необратимый характер. На селе был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию. Начался постепенный процесс урбанизации быта сельских жителей. Проводником не только советской, но и западной масс-культуры стало быстро распространившееся в деревне телевидение. Улучшение путей сообщения сблизило селян с городом. Непосредственное влияние на морально-поведенческую культуру деревни оказывала не порывающая с ней связей активно мигрирующая в город молодежь.

Само по себе угасание крестьянской традиционной культуры достойно сожаления, но все же в условиях современной цивилизации имеет естественный характер. Гораздо более отрицательные последствия имело изменение социально-культурного типа сельского жителя. Индустриализация аграрного производства, переход на оплату труда, не связанную с его конечными результатами, связанное с этим отчуждение от земли, сельскохозяйственных животных и других средств производства окончательно превратило бывших крестьян, вне зависимости от того, где они работали – в колхозе или совхозе, в наемных государственных сельскохозяйственных рабочих. Причем, потеряв крестьянские трудовые традиции, селяне не приобрели лучших традиций рабочего класса. Напротив, происходила люмпенизация работников сельскохозяйственных предприятий, нарастание негативных явлений в их поведении на работе и в быту.

Таким образом, начавшийся в 1930-е гг. процесс раскрестьянивания сибирской деревни далеко не сразу приобрел необратимый характер. Впервые в своей истории закрепощенное в ходе коллективизации сибирское крестьянство длительное время сохраняло значительный потенциал восстановления. На наш взгляд, в 1950-е – первой половине 1960-х гг. в стране и в Сибири имелась возможность проведения радикальной и в то же время безболезненной как в социальном, так и в производственном плане деколлективизации по будущей китайской модели, итогом которой могло стать возрождение крестьянства как класса с практически полным набором

его институциональных характеристик. Однако человека, подобного Дэн Сяо Пину, среди советских лидеров не нашлось.

Выбор был сделан в пользу индустриализации существующей колхозно-совхозной системы и всевозможных ее организационных перестроек, основное направление которых (особенно применительно к Сибири) заключалось в укрупнении производственных структур. В итоге в 1970-е гг. произошло окончательное уничтожение общинного менталитета и традиционной крестьянской культуры, а крестьянство превратилось в новую социально-классовую общность – государственных сельскохозяйственных наемных рабочих. При этом повышение их образовательного уровня и материального благосостояния причудливо сочеталось с элементами социокультурной деградации. С этого времени оставалась возможность полномасштабного восстановления лишь одной из трех рассмотренных нами существенных характеристик крестьянства как класса – основанного на применении преимущественно простого инвентаря крестьянского хозяйства. Однако в условиях уже совершившегося перехода сельского хозяйства Сибири на индустриальные технологии этот процесс мог привести лишь к тотальной пауперизации основной массы сельского населения и производственному регрессу. Отчасти это подтверждается практикой современных аграрных отношений в регионе. Несмотря на возможность получения земли и воли, большинство сельских семей не желают выходить из в одночасье превращенных в акционерные общества колхозов и совхозов, которые почти полностью прекратив выдачу заработной платы своим работникам, все еще продолжают поддерживать ЛПХ в размерах, обеспечивающих их владельцев прожиточным минимумом.

---

¹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917—1937 гг. Новосибирск, 1983; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.

² Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-е — 1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 481.

³ См.: Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928—1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 8, 137.

⁴ БСЭ. М., 1973. Т. 13. С. 409.

---

⁵ Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992. С. 11–15.

⁶ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализма (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 299, 423, 426.

⁷ Там же. С. 306, 308, 361; Крестьянство Сибири в период развития и упрочения социализма. С. 27, 28.

⁸ Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 339.

⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 517.

¹⁰ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 177; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. С. 176, 185.

¹¹ Социально-экономическое развитие сибирского села. С. 371.